

Русская война: Утерянные и Потаённые

Лев Исаков

Лев Исаков

**Русская война:
Утерянные и Потаённые**

«Accent Graphics communications»

2014

Исаков Л. А.

Русская война: Утерянные и Потаённые / Л. А. Исаков — «Accent Graphics communications», 2014

В 2002 г. генерал армии В.Варенников назвал работы автора по военно-политической истории Отечественных войн 1812 и 1941-45 гг., ставшими содержанием книги Русская Война: Дилемма Кутузова-Сталина, "новым словом в историографии". Но главный вывод историка: Россия - Историческое осуществление Евразии в Новое Время являет собой качественно иное пространство исторического, не сводимое ни к какой иной реальности всемирного исторического процесса; рождающий иной тип Исторического Лица, Эпохи, Исторического Действия, повелительно требовал и обращения и обоснования всем богатством отечественного исторического наследия. В 1998-2010 гг. в разных изданиях начинают появляться публикации Л.Исакова, шокирующие научное сообщество НЕВЕРОЯТНОЙ ПЛОДОТВОРНОСТЬЮ РЕЗУЛЬТАТОВ во внешне вполне проработанных темах, или взламывающие давно застывшие проблемы. Их академический вид не мог скрыть их характера: РУССКАЯ ВОЙНА ЗА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ. И как же много там открылось УТЕРЯННОГО И ПОТАЁННОГО...

© Исаков Л. А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Об авторе	5
Утерянные и потаённые	7
Исторически Завитушки – или Проба Пера?..	7
Обреченная звезда Валериана Зубова	9
Иды марта: Утаенная смерть императора Павла Петровича	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лев Исаков

Русская война: Утерянные и потаённые

Эпоха Первых, открытая императором Павлом и отошедшая вместе с Николаем являла трёхконтинентальной Российской государственности поразительный по благоприятной возможности шанс к новому рывку в планетарном развитии, выводящим её за пределы обычных сопоставлений, навязываний и угроз; из царства необходимости совокупной воли континентальных сообществ в свободу единственного недоступного – и небывалый взлёт великорусской культуры, заявленный А. Пушкиным, Н. Гоголем, М. Лермонтовым, юным Ф. Достоевским, свидетельствовал о всеобъемлющем характере грезившего пробуждения... Но как же мало, бездарно, бесплодно оказалась реализована блистательная перспектива 1814–1848 годов, когда вынесенный сверхчеловеческим усилием деятелей 17–18 веков от Петра Первого до Екатерины Второй вступивший в Громе и Славе в круг великих держав – корабль великорусской государственности вдруг затрепетал, потерял ветер, захлопал парусами, и застыл в надрывной каталепсии... Что-то неувовимо важное вдруг утратилось – что-то легло поперёк всего, придавило; обратило наследованный порыв в неистовые, но, увы, бессмысленные растрачивающие судороги потерявшего себя тела.

Страна, выстоявшая перед планетарным нападением 1853–1855 гг., пала на колени без боя в 1857–1863 годах. Великие Реформы стали итоговым погромом всего, добытого с 1721 года: Флота, Армии, Территорий, Национально – Исторической значимости... Утерей даже тех крох набираемого опыта, что вынесли из 2 Отечественной, хотя бы Пермских Царь-пушек. Разгром без боя – капитуляция без победительных врагов!

13–14 мая 1904 года у Цусимы погиб созданный Петром российский императорский флот...

В ноябре 1916 года на Стоходе погибла Петровская гвардия: преображенцы, семёновцы, измайловцы...

Это следствие того, что не случилось, что не заметили, упустили, обошли стороной тогда, в 1814–1851 году... Что должны были обозреть, пустить в национальный оборот, сделать Светом к Будущему декабристы? – Устройство побеждённого европейского врага, или источники русской победительной силы?

Об авторе

Исаков Лев Алексеевич родился в 1947 году в Ленинграде, рос и воспитывался на Урале. Получил образование на механико-математических факультетах Пермского и Московского университетов, историческом факультете Пермского университета. Работал в вычислительных центрах объединений и ведомств, археологических и археографических экспедициях, преподавал в учебных заведениях. Автор более трехсот научных работ по истории, историософии, индоевропейской мифологии, традиционным формам хронологии, часть из которых начал публиковать с 1998 года. В настоящее время преподаёт историю и философию в Московском Издательско-Полиграфическом колледже им. Ивана Фёдорова и Московском Институте Экономике, Финансов и Права. Из авторской справки ж-ла СЛОВО М., 2002 г., № 2.

PS-2013. Первая монография комплекса работ РУССКАЯ ВОЙНА: ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА приобретена БАНРФ, Универсальной научной библиотекой Красноярского края, Научными библиотеками Дартмутского колледжа, Университетов штатов Индиана и Миннесота (США), Университетом им. Александра Гумбольдта (ФРГ)... Крымская война: Европейская пуля столкнулась с Русской (экспонат Феодосийского краеведческого музея).

Утерянные и потаённые

Исторически Завитушки – или Проба Пера?..

Итак, еще два фрагмента – о чем они? О политике, ставшей войной и о войне, остановившей политику – в обоих случаях налицо несбыточное: Валериан Зубов не создал Индо-Евразийского Моста, Крымская война не увеличила, а надорвала слагавшиеся российско-ближневосточные и российско-балканские стремления, а они были громадны, насущны, реальны. В 1996 году в Лондоне состоялась конференция историков государств-участников Крымской войны в ознаменование 140-летия подписания Парижского договора, и английские коллеги, признав, что предложения Николая I о национально-территориальном размежевании на Балканах реализовались за полтора века «с точностью до 2–3 миль», назвали войну трагическим сцеплением недоразумений – оставим это на их совести, для нас и балканских народов, молившихся тогда за нас, она таковой не является, а для России-Евразии, сверх того, она стала элементом национальноисторической легенды, из которой нация черпает опыт и силы в испытаниях судьбой.

– Севастополь Нахимова, Истомина, Корнилова, Мельникова, Толстова, Пирогова – навсегда Русский! Под каким бы обличьем не крали его Христосместители-Христопродавцы, даже «украинские», даже «малороссийские»! Это тот кол, на котором завершит подсаженная свинья – хватилась святого – иди в пещь!

Это слова человека – но под внешней несуразностью событий кроется нечто иное, что переворачивает и их, и основу, их породившую.

Судьба Севастополя следствие словоблудия Медведя с Гадиной – более его не будет! Это игра слов, принявшее осязаемую форму – более их не станет! Это двусмысленность, возратившаяся бумерангом – отныне он разломан!

Начинается становление воли, т. е. артистически оформленное желание-действие, и начинается новая евразийская драма, в которой Севастополь античный вестник, оглашающий преждебывшее.

Мне нравится римская аллегория Двуликий Янус – каждое событие имеет две стороны, оно что-то закрывает, что-то открывает. Так было и в 1796-м и в 1853-м годах, удивительно только, что они остались одинаково бесплодны, как непрочтенные политикой страницы, это была победа, ушедшая в песок, неудача в странной двойственной видимости потери – обретения. Да неудача ли?

Разве уступил Малахов Курган Курганной батарее? Разве не на нем родилось то самопознание Русского Духа, что запорокинувшись, выветит и Бородино, и всю Александровско-Наполеоновскую эпоху – ведь капитан Тушин, это лицо, прямо ступившее с 4-го бастиона на Шенграбенские поля самомнением опыта подпоручика артиллерии гр. Л. Н. Толстого. Это был новый урок нации, познающей себя, в том числе и прошлой, и рождающейся как новая – уже в грядущее. Известный афоризм, Армия – Школа германского народа, имеет в отношении России зловещий вид – Школа русского народа Война.

Типические процессы обобщения-расщепления имеют в поле Евразийской войны-политики вид политизированности самой войны. Войны Запада связаны с политической подоплекой более опосредованно, независимы, скользят по ней – Войны России едва ли не с ней срослись; потеря политического ориентира на Западе – некоторое рябление в картине событий войны, в Евразии – разрушение войны. В Европе война поправляет политику – в Евразии политика родит войну в отсутствии внешне видимых уроков. Чему научил Евразию Афганистан? – Только тому, что он теперь называется Чечней! А завтра станет опять Афганистаном...

Запад поздно узнал войну, втягивающую в себя все ресурсы наций – и не знает войн национальных, когда воюет все тело нации, что так ведомо Евразии, памятники чего Крова- тынья и Кровищи, урочища на Сити, где в последней схватке 1237 года вслед за мужчинами легли и жены – и что растягивает войну до срока существования нации.

О Неопалимая Купина, Русская Женщина, а оценила ли ты вполне русского мужика, из всех занятий знавшего только два – Крестьянствовать и Воевать, только строившего и восста- навливавшего на земле, что вредней для техники, чем африканские дебри...

...Но есть и глубокая связь Крымской войны 1853–1855 гг. и Кавказско-Каспийской экс- педиции 1796 года – в исполнении 2-й может быть первой и не понадобилось; может быть, протянув руки, росс-евразиец и арий-индус, офицер и раджпут, навсегда сделали себя недося- гаемым поползновениям Жадности и Злобы. Сила Толстосумной Англии – производное ограб- ление Индии (как и США – производное от покражи планеты), и которое развернулось во всю мощь именно к этому, 1853 году, и согни русская сталь бирмингамское железо в 1800 году – в 1854 году не кровью, а цветами прорастали бы верки Севастополя.

...Одна угроза Британской Индии, означившаяся в 80-х годах вступлением русских на Памир и в Кушку навсегда прищипила английского кота открыто воевать с русской вороной. Но это так, частности, мелкий счет пятаков.

Русь-Индия – это посыл в Неисповедимый Космос, это эра сменяющая Калиюгу, уже в первом приближении изгибающая Планетарное.

Обреченная звезда Валериана Зубова

В 1-й части работы (Дилемма Кутузова-Сталина) я уже обращался к этому знаково-интеллигентскому в закулисно-околоте-атральной стихии нынешнего «бомонда» образу ружья, которое должно выстрелить, ежели повешено в 1-м акте – но неприятное же знаете состояние, когда оно и впрямь стреляет, да в автора, да тогда, когда он того и не выбирает, и не полагает.

В ДКС1, в соперниках-сослуживцах М. И. Кутузова я упомянул Валериана Зубова, без особого расчета на продолжение – в некотором отчасти ерническом порыве, отчасти в исправление очевидной несправедливой однобокости присутствующих в адрес этого исторического деятеля оценок, и ничего сверх того.

Признаться, Екатерининская эпоха в целом, как кульминация под занавес, интересует меня мало – в процессе меня более привлекают завязки, начала, хаотическое самозарождение образа-целого, поэтому Петровская эпоха мне интересней, а и ранее того, шатания 1630–1689 гг., как исходный пункт после будущего, до роковых Канунов Екатерина – Павел.

Но все же отложилось... Что же так-то, кто занимается проблематикой Кавказских войн, тот знает, что именно Зубовский поход 1796 года положил им начало как целой эпохи, отличной от периодов метаний, когда тот или иной кавказский правитель забегал под русское покровительство, и тот или иной русский царь-медведь ему в том поспешествовал, засунув лапу в осиное гнездо и быстренько выдернув – какие злые! С В. Зубова по-шла эпохи необратимого вовлечения региона в зону Большой России, в Евразийский Мир, и откройте вы любой – не курс, а скажем так, альманах кавказско-исторических меморий, он там есть; чем-то сдвинул этот поход сознание русского человека, чем-то в него врубился; его вспоминают как прадедушку, но уже без утери постоянной связи поднесь, в то время как Петровские брожения – сплошная былинность, Олегов Щит, прашурово.

И вот случай, объявленная в этом кошко-драном 2000 году московская областная олимпиада по истории за меня зацепилась – помогите! Вы профессиональный историк... – Тьфу! Согласился...

Так – Екатерининская эпоха.

Пункт 1-й – Екатерининские орлы, доклад сообщение на 5 минут по выбору учащихся...

...А что, если изюминкой – Зубовых?

...Все Потемкина, Орловых, Суворова, Радищева – краснобело-розовое; а тут густой ком – Шмяк! Зубовы!

И вот в покойном чувстве отправляюсь посереде недели, утречком, в продушину, когда работающие пронесли, а вокзалы еще не ринулись в центр, в Ленинку, в любимый 3-й зал, войдя в который три года назад исторг из сердца – Мой!..

Ну-с, Бантыш-Каменский «Словарь достолавных людей Российской истории...», на букву «З» часть 2-я; его же «Биографии генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Российских...» – Зубовы так далеко не вчинились, но их тесные связи с А. В. Суворовым должны отразиться.

«Оживляж» из Валишевской мерзости всегда в памяти, благо уже не цитируется – скандируется, без ссылок на автора, так сказать – из души. Шахмагонов и Лопатин подравняют польское вранье отечественной упертостью – ну, для остренького супчика вроде бы все собралось...

Дай-ка еще посмотрю общих справочников. БСЭ... ничего?! – Платон Зубов – сквозь зубы – ей-богу, как говорил князь Потемкин-Таврический: Поеду Зубы рвать – здесь вырвали... Валериана нет! Ребята – вы не спятили? Крупнейшая военно-стратегическая операция последнего 5-летия Екатерины сброшена как ветошка... Словарь Гранат – черт, нет 17

тома... Брокгауз-Эфрон, 24-й, высокомерно-презрительно: ничего не делал, сидел, получал – дополучался!.. Даже Платон вроде как лучше выглядит, все же «Mon cher ami» – Валериан просто паразит... «безобразно относился к польским пленным и часто к их женам» (Русско-польская война 1793 года), и вдруг... был тяжело ранен на рекогносцировке вследствие чего пришлось ампутировать ногу – это в... 1793 минус 1771 – В ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА?!?! – Так, начинаю накапливать...

Ссылки на Гельбига – памятные «потемкинские деревни», уже многократно разоблаченные в отношении Потемкина, тем же В. Лопатиным, Шахмагоновым, но как-то односторонне – все, что там навешано на Одноглазого Гиганта, снято, продемонстрировано и брезгливо отброшено, но все о Зубовых оставлено в неприкосновенности.

А, вот и Бантыш-Каменский! Так, Платону полторы страницы – Валериану НИЧЕГО – И ОТДАЛ их БОГ в РУКИ МОИ – ну, берегитесь!

Итак, уважаемый мой читатель, искушенный в рамках исторических штудий, по намеркам понимающий подразумеваемый подтекст, или разумно-сторонний, вынужденный доверять мне в являемых резюме неописанных событий или тому описанию, которым их сопровождаю – давайте посмотрим на крохи того, что дают нам, под покровом оценочной пены, общие издания, когда они оглашают не пристрастия, а факты, во взаимодействии с условиями эпохи и рамками тех ситуаций, в которых они осуществились, в прояснении чего возможно уже привлечение и других источников, возникших безотносительно к данным лицам или для ситуаций вокруг них.

Когда разумный человек делает внешне неразумное действие; это удивляет: посредственность наполняется тщеславием – вот ведь, не лучше нас, умного настораживает – с чего это он? Когда подобное совершает человек великий – меня это повергает в трепет охотника, увидевшего след, змеи, заметившей трещину – это либо означение его ограниченности, исторической, личностной, сословной – или приоткрывшаяся на мгновение створка раковины-тридакты к жемчужине глубинно-гениального, то, что еще сверх постижения временем и чувством.

Екатерина Алексеевна, влюбчивая немецкая кошечка-самка, была громадная кошка-Львица по честлюбию и Рысь по самопроникновению в собственную душу. Читая ее Записки, я наслаждался ее беспощадной правдивостью и игрой в правдивость, беспощадной обнаженностью и совершенной непроницаемостью за ее явленностью – человек, могущий так развернуться своей глубиной к миру, бесконечно её глубже.

Если следовать оценкам Герцена, мемуары дописывались невядалеке после 1784 года, а через 6 лет она бросит Сегюру пророческие слова о Черном Звере, вырастающем в Париже; об отрубленных головах французских венценосцев, и о гибели Черного Зверя в России – Сегюр будет вспоминать эти слова в 1812 г. в Москве, в 1813 г. в Париже. Француза-аристократа поразило предсказание императрицы о его переходе на службу Черному Зверю, в момент их разговора никому неведомому заштатному артиллерийскому лейтенанту Буонапарте – дар проникновения за ширму грядущего она сохраняла до последнего дня!

Да, она влюблялась в мужчин с редкой долговечностью, иногда это встречается и у обыкновенных женщин, 2—3-х автор наблюдал – право, они были безнадежно несчастливы в своем неутоленном чувстве – но это уже вопрос личной драмы, психики, психиатрии и физиологии индивидуального, вне рамок собственно-исторического исследования, это та подоснова, которая влияет на историческое, ее следует учитывать, но само оно собственно возникает как мерцание некоего воздуха над ее поверхностью, играет на ней и от нее, но уже ей не является.

Любопытно другое, награждая и щедро героев своих обожании богатствами, титулами, сиюминутным блеском влияния и славы, Екатерина ни одному из них не доверила власти только в обаянии распаленного чувства, только в увлечении женщины; лишь пятеро в 3-х ком-

бинациях из многочисленного круга ее пристрастий стали сопричастны и ее прерогативы владительницы:

- Это Орловы, Григорий и Алексей;
- Это Потемкин;
- Это Зубовы, Платон и Валериан.

Любопытно, что и между групп и в составе тандемов распределение властных даров было неравномерным. Так, любимый Григорий все же был менее удостоен доверием, самостоятельностью, исторической инициативой, нежели замечательно одаренный Алексей, грозный Орлов-Чесменский. Но оба в Военной иерархии были остановлены на уровне генерал-фельдцейхмейстера (командующего артиллерией) и генерал-аншефа и не стали Президентами Военной Коллегии.

Резче и выше оказался вознесен более государственно даровитый Г. А. Потемкин – и фельдмаршал, и Президент Военной Коллегии, и Наместник Юга, и фактический вдохновитель внешней политики 70–80 гг.

Историческое значение этих лиц признано ныне совершенно, выбор Екатерины одобрен, но вот в отношении Зубовых... здесь она в утверждении историков «поступила по-женски», нарушив правило, соблюдаемое ей в отношении всей череды, от Сергея Салтыкова до Дмитриева-Момонова, по дотошным разысканиям бытописателей составившей два десятка лиц.

Любопытно, что Платон стал Восприемником всех должностей Светлейшего Князя: и Президент Военной Коллегии, и Генерал-Губернатор Новороссии и... не до конца. Екатерина определенно и тонко отличала своего «баловня» от «старого друга», удостоив звания генерал-фельдцейхмейстера и не дав фельдмаршальство (как и Григорию Орлову), намекая и на некоторые иные его качества – недостаток данных для боевой армейской деятельности, в особенности воли, что роковым образом скажется на них обоих – очевидцы прямо обвиняют Платона в фатальном исходе кровопролития в ноябре 1796 года, когда потеряв самообладание, он не разрешил пустить кровь императрице в отсутствии медиков ее слугам... погубил и ее и свою карьеру.

Что же мы знаем о нём, кроме простой констатации, что как тип и характер он определенно уступал великому предшественнику?

- Будучи правителем Новороссии, основал Луганский завод, первое в России металлургическое предприятие на каменном угле, положив начало Донбассу.
- Организовал тонкорунное овцеводство в южных губерниях, что озаменовано даже особой породой зубовских мериносов (как А. Орлов – орловскими рысаками).
- В 1792 году создал Черноморское казачье войско, из выселенных запорожских кошей, отчасти разрешив головоломную проблему, навязанную диким налетом Екатерины – Потемкина на Запорожскую Сечь; в 1793 году основал войсковую столицу – Екатеринодар.
- В 1794 году создал новый вид артиллерии – конную, которая высоко зарекомендовала себя во всех войнах 1-й половины 19 века, став средством маневра и массирования огнем.
- Перевел судостроительные верфи из Херсона в Николаев, что резко улучшило условия судостроения, производительность и безопасность верфей.
- Разделил руководство Черноморским флотом между Главным Управлением, ведавшим постройкой кораблей, административно-хозяйственной частью и портами, помещенное в Николаев (Главначальствующий адмирал Н. Мордвинов, плохой флотоводец, но талантливый администратор и гуманный человек) и Эскадрой, осуществлявшей боевые функции: планирование и проведение операций, обучение экипажей, поддержание боеспособности кораблей и соединений, базирующихся на Севастополь (Командующий адмирал Ф. Ушаков, замечательный флотоводец и судоводитель, тяготившийся административно-хозяйственной работой; резкий и нелюбимый в обращении человек).

Привожу последний длинноватый пассаж в пику В. Лопатину, который оглашает приписываемые А. Суворову слова «Зубов Черноморский флот совершенно развалил». В указанной ситуации это выглядит так, как если бы моряк Ушаков утверждал по «сухопутному ведомству»:

– Суворов армию совершенно развалил.

Как-то и последующие события – замечательная компания 1799 года в Архипелаге – их не подтверждают.

...Между прочим, нечто подобное наблюдается и в Армии – президентствуя в Военной Коллегии П. Зубов в то же время ниже чином А. Суворова (кстати, и своего поста – Президентство предполагало и Фельдмаршалство, под Первое, например Потёмкин получил Второе), и вполне самостоятелен и сосредотачивается в своей деятельности только на административно-хозяйственной, материально-технической стороне войск, в то время как их боевая подготовка, тактические ориентации, а в случае войны руководство на поле боя перетекают Измаильскому Марсу, «суворовская струя» в армии в «зубовские времена» резко усиливается относительно «потёмкинских». Это система отношений Военного Министра и Главнокомандующего, и Зубовы не только не препятствуют этому – способствуют, именно благодаря им в Польской кампании 1793 года Суворов был «поддержан», что вывело его на фельдмаршалство, а Н. Репнин, его старинный соперник, «придержан», хотя его позиции выглядели в ней предпочтительнее – в условиях полугражданской войны в Польше Репнин, многолетний посол-правитель в Варшаве, имел особый политический вес, дополнительный к своему незаурядному военному дарованию; участь Польши была предрешена, судьба соперничества решалась не тем, кто из полководцев значительней, а тем, кого «пустят» в дело – «спустили» Суворова.

...В 1813 году Александр I, ведя трудные переговоры в Теплице, пригласил на них в качестве советника П. Зубова – присутствующие были удивлены того дельными, меткими замечаниями и глубоким постижением характеров лиц противостоящей стороны; как-то хочется мне соединить это с выдержкой из письма Суворова 1791 года тому же Платону, приводимой у В. Лопатина

«...вспоминаю... и сию тихую нашу беседу, исполненную разума с приятностью чистосердечия, прямоты, дальновидных целей к общему-благу» и почему-то крайне возмущившую историографа.

Нет, не ложится это в канву простого чичисбея – как-то и люди не те, и обстоятельства, и фон. В то же время в другом виде, смысле, самооценке начинает выделять Екатерина младшего из сыновей Александра Николаевича Зубова – Валериана, еще более красивого опасной южно-огненной красотой для северных женских сердец, выделять за то, в чем он определенно отличался от Платона, был более похож на Алексея при Григории в Орловых – за какое-то преувеличенное стремление к опасности, тянувшего этого изнеженно-изысканного сибарита под наведенные стволы и перуны, на Балканы, в Польшу, на Кавказ. По Петербургу уже поползли слухи, что сердце императрицы дрогнуло – в который раз...

* * *

Валериан Зубов (1771–1804 гг.) был четвертым сыном Александра Николаевича Зубова из хорошей небогатой дворянской семьи с древним родословием – прародителем считался Владимирский баскак 13 века Амрагат, перешедший на службу к Александру Невскому и в крещении принявший имя Захарий; от него пошли ветви Баскаковых и Зубовых. Вряд ли баскаческие занятия требовали особых воинских дарований, в то же время хозяйственные должны были быть немалые... Это как-то укрепилось в роду и А. Н., содержа многочисленное семейство свое, и не поднявшись выше вице-губернатора – впрочем, в 18 веке официальное жалование значило немного, основным была земля, «в видном положении» оно только-только обес-

печивало расходы на представительство – приискивал дополнительных доходов управлением имений у сановных вельмож, что было хотя и выгодно, но малопочтенно, требуя к тому и особых навыков, и склонностей как, например, у родоначальника отечественной агрономии, плодотворнейшего писателя – и весьма глубокого военного теоретика! – А. Болотова; с моей точки зрения непростительно эгоистично закопавшего свое военное дарование в условиях Марсовых Лет – всему свое время, и в век, означенный Очаковым и Бородино ей же, глубокомысленный генерал значил больше для страны, нежели... даже и родоначальник многопольных севооборотов. Александр Николаевич кроме хозяйственных иных дарований не проявлял и потому невозбранно от потомков унаваживал поля, вводил технические культуры и клал солидные барыши в карман, на которые содержал к 1789 году, когда судьба, вдруг отвернувшись от Капентингов повернулась к Зубовым, 4-х сыновей в дорогом гвардейском Конном полку, под приглядом и покровительством многолетнего нанимателя своего князя Николая Ивановича Салтыкова, на воспитании императорских отпрысков промышлившего себе и вице-президентство в Военной Коллегии, и Фельдмаршалство в захождении от Гатчины до Петергофа, и постоянное присутствие в кругу близкоприближенных Самой императрицы.

Братья держались дружно, поспешествовали, насколько можно, старшие – младшим, верно-уступчивым в свою сторону и составляли маленький клан, чем-то напоминающий свору Орловых, но более «карманный», «удобный» для окружающего общежития. Старший и Младший отличались вызывающей красотой; среднего роста, миниатюрно-стройные, с выразительными черными глазами, чуть кукольные, но сильные; Платон более – 19 – резко-отстраненный и скрытный – Валериан мягче и порывистей. Общей защитой был огромный, чудовищно сильный, тоже красивый, но какой-то животно-примитивной статью Николай, очень рано начавший пить, и тоже каким-то животно-мрачным образом, в одиночку, без украшательств и гусарщины; о Дмитриии ничего не знаю.

Отношение к службе у братьев было определено разное. Платон нашел в ней все ту же хозяйственную стезю, каждодневное исполнение некоторых штук и действий, бдительное отслеживание некоторых ритуалов, по определенному сроку приносящих урожай, столь близкое безусловным жизненным правилам бухгалтера-домохозяина. У него все соблюдалось, ничего не случалось, ничего не терялось – во все времена, во всех странах, во всех ведомствах начальство таких любит, ценит, продвигает, и заслуженно, коли не зарвутся – в 1787 году он, до фавора, – В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ! – секунд-майор гвардии, т. е. армейский полковник (гвардейское старшинство на 2 чина, гвардионское на 1).

Всю последующую жизнь его будет сопровождать и оберегать эта хозяйственная нота – и в женском уголке сердца Екатерины, где рисуется так понятно в мечтах «о счастье вообще» образ «мужчины-хлопотуна», приятно-домашнего, с комнатными дарованиями – Платон неплохо поет – столь уютного среди Клювастых Орлов и Львов Клыкастых; так и в опале при Павле I, и полуопале при Александре I толи за то, что заслонял в молодости, толи в подозрении о шевельнувшемся чувстве жены к красавцу-фавориту, толи за участие в убийстве отца – скорее всего по совокупности его избегавшего.

Николай, погружавшийся в свои омота был исполнительно-равнодушен, чугунно-бесчувственный к человеческой жизни вообще – зверский удар табакеркой, проломивший висок Павла I, его отметина в истории.

Иное было отношение Валериана – военное дело его захватило как мальчишку; а кем он еще был, в 13 лет принятый в полк «для научения при брате»? – впрочем, в 18 веке, «встав в службу» едва ли не по первому шагу большинство мужчин-дворян сохраняли нечто мальчишеское до смерти, в скучно-старческой психологии барышников 19–20 веков они «шальные», и все станет проще, если понять, что они «малые», в 12–14 лет утвердившиеся в понятиях своего дела, нужных к тому качеств и навсегда оставшиеся одной ногой в возрасте своего возмужания.

Это было тоже следование некоторой атрибутике, но уже иной, это было игнорирование к тому, главному, что составляет смысл жизни офицера, к Смерти и Войне, вхождение и приурочивание к ним. Эта шагистика, позитива, полирование – но за предел их самих по себе, не в замен храбрости, а для храбрости, не в символизм доблести – в укреплении ее спиц внутри себя; то, во что А. Суворов и М. Кутузов вносят столько смысла, а Константин Павлович и Николай Павлович обесмысливают вообще. Мне нравится полагать в нем безотчетно восторженное отношение к военному делу, если брать аналогии Н. Гоголя – это Андрий, вдруг услышавший ноту души, столь необычный среди многоопытных Тарасов и охлажденных Остапов.

В 1787 году, когда началась Вторая (или по моему счету Восьмая) Русско-Турецкая война, он устремляется волонтером в армию – в военном ведомстве хватило ума отказать 15-летнему мальчишке в таком пожелании – но в 1788 году он добивается откомандирования на Дунай в чине «поручика за штатом», на усмотрение начальников.

Дальше было бы убедительно привести записи из его послужного формуляра за 1789–1790 гг. – Увы, у меня его нет.

Характерно только, что за это время у него выработалось устойчивое восторженное почтение А. В. Суворова, столь необычное для штабного окружения главнокомандующего Г. А. Потемкина, которое скорее острило и потешалось над крутосколоченными генералами и адмиралами от «карей» и «бортов», и это были отнюдь не блюдолизы-ничтожества, в рамках этой блестящей молодежи поднялись М. Кутузов и Д. Сенин – не поддаться ее обаянию было трудно, требовалась и немалая самостоятельная воля, и отстраненность от нее; и какая-то прямая близость к своему кумиру. Любопытно, что первые встречи М. Кутузова и Д. Сенина в том же возрасте с Суворовым и Ушаковым кончились плачевно для молодых людей, оба были быстро откомандированы, один из Суздальского полка с дежурно-холодной аттестацией (и потом десять лет бегал А.В. как черт лады, рапортами переводясь из его деташаментов в другие командования), а второй был изгнан с эскадры штрафным, как «небрегающий обрядом службы».

Укажу только итог этого первого «хождения в войну» – в 1790 году В. Зубов получил исключительно почетное поручение доставить официальную депешу о взятии Измаила и ключи города в Петербург – знак отличия выдающийся, за каковым следовало награждение даже без формального представления, и орденами, и деревнями, и через несколько ступеней чин; это тем более значимо, что все ожидали окончания войны после Измаильской Эскапады и случись так – имя Валериана, и шире Зубовых вспыхнуло бы ярко; как-то не с руки было своему нравному Потемкину возносить подлипалу-посредственность из рода соперника. Шамагонов, вслед за Валишевским, объясняет это поручение удалением «опасного соглядатая», полностью игнорируя практику таких поручений в русской армии – это была едва ли не наивысшая награда для рядового штаб и обер-офицера, кроме всего прочего предъявляемого на усмотрение двора – так, например, был «усмотрен» Петр Румянцев, привезший известие о замирении с Швецией в 1743 году и сразу произведенный из капитанов в полковники – как-то не с руки... В. Лопатин неохотно признает этот факт без комментариев, далее выделяя «благородство Светлейшего» – согласен! Но «честный Потемкин» тоже ведь должен был воздавать «в честь», т. е. за крупное, выдающееся личное достижение.

Полностью уходя в гадательное, выскажу предположение, что само поручение как-то связывает Валериана с Измаилом и его конкретным участием в том деле, как и объясняет его всю жизнь боготворение А. В. Суворова, для участников штурма навсегда обратившегося в Единственного, пусть и Кукарекающего.

В числе прочих назову хотя бы «политесного» Кутузова, которому не могла не претить суворовская «дичь-солдатчина», хитромысленного, вороватого О. де Рибаса, чопорного надменного А. Ланжерона, очень разных в своих оценках всего, кроме Измаила и его Бога. – Увы,

война продолжалась и точку в ней поставил Репнинско-Кутузовский Мачин в следующем, 1791 году.

Но в этот период резко ускоряется сближение Суворова и Зубовых и участие Валериана в этом деле несомненно и весомо – известно, что Платон как-то не приновился сразу к крутоватому «солдатскому отцу», приняв его, в параде и при всех регалиях, домашним образом, за что тот ответил тем же, и в присутствии третьих лиц; но непривычный к такому обращению дворцовый выученик стерпел и отмолчался. С 1791 года начинается постоянная переписка фаворита и военачальника, и была она значительна для обоих. Суворов был свободен в выборе, куда гнуть, к Потемкину или к Зубову, для них он был весомая величина – стержень и нерв армии, из самой ее сердцевины; Потемкин конечно это понимал, но не мог смириться – Зубов был обязан.

Летом 1791 года происходит драматическая развязка – Светлейший Князь умер; умер хорошо, за пределами дворца, склок, в поле при дороге, порвав все и вся, рухнул как столб.

В этот момент зашаталось и положение Зубовых: нужные как таран против Идолища Таврического Салтыковым-Репниным Павлу, многим-многим, они теперь становятся как бы и не нужны – и в той закулисной схватке их поддержала позиция армии, надежно-покойной к власти, обеспечившей ее самостоятельность; той, что стояла в пригородах Петербурга и далее вплоть до Дуная, Суворовской. И в ее пределах поднимается Валериан:

- за известие об Измаиле Св. Георгий 3-го класса, полковник и флигель-адъютант;
- в 1792 году – генерал-майор. Не за бои? – Верно!

Но как только грянули пушки, он опять на войне – летом 1793 года фарфоровый мальчик-куколка уже в Польше; как-то не вяжется это все с обликом приживала, получающего дипломы на производство между записочек на придворный бал.

Проверкой зубовского «суворовства» стала та же Польская кампания 1793 года: опираясь на поддержку Зубовского клана, и горячее содействие В. Зубова, Суворов прямо пренебрегает и Н. Репниным, своим непосредственным начальником, и Н. Салтыковым, старшим над обоими, своей волей берет корпуса, разворачивает генералитет, завязывает новую кампанию и в 38 дней (если прикладывать остановку в Бресте – в 42) завершает операцию, молниеносную, яркую, но... пустоватую. За пару дней до ее начала ген. Ферзен у Мацейовиц разгромил основные полевые части повстанцев, пленил их единственного крупного военного руководителя на что-либо годного Т. Костюшко – но награды за нее как из бездонной бочки: фельдмаршалство, «10 тыс. душ», и т. т. т. Вот любопытно, за такие же «успехи» в 1775 году – захват и доставление Е. Пугачева – ничего! Екатерина отдала предпочтение Михельсону, сделавшему «основную работу» – сейчас подчеркнутый решпект, а мог бы и не быть!

Увы, в этой же кампании столь много содействовавшей А. Суворову В. Зубов испытал тяжкий удар – ранение, ампутация ноги, в 22 года инвалид на деревяшке! В гельбиговских «обесчещенных девиц» как-то не верится, слишком скоротечная для того была кампания, да и не замечен был в Петербурге юный красавец в подобном, незачем, скорее должный предохраняться от неумеренного обожания – почему вдруг переменялся на войне?

Любопытно, что одна из полек, графиня Потоцкая, в 1794 году становится его женой; каков был этот брак, какова в ту пору она, по второму браку графиня Уварова – не знаю.

Как переживал свое первое жестокое крушение – не знаю, думаю тяжело... Хотя внешне все тем не менее выглядит лучше:

- генерал-поручик;
- генерал-адъютант;
- Св. Георгий II класса.

Два последних отличия поднимают его до уровня полного генерала, выше М. Кутузова. Но другие, извольте видеть, имели это и без боевых ран, без эскапад за пределы Света.

В 1794 году Зубовы и Суворов породнились, Наталья Суворова, ненаглядная «Суворочка», по отзывам бытописателей некрасивая и не очень умная – по небольшому, виденному мной портрету-миниатюре, хорошенькая, в отличие от матери Варвары Прозоровской, слившей красавицей, а на портрете – раскормленная купчиха; по сохранившимся же от нее кратеньким воспоминаниям об оставлении Москвы в 1812 году и умна, и наблюдательна – бог их знает, бытописателей... вышла замуж за тяжко-мрачного Николая Зубова. Браку придавали особое значение, Платон, прознав о наличии у девушки жениха, сына генерала графа Эльмпта, со старшим из которых Суворов приятельствовал – были самые злые языки в армии – а младшему благоволил, бросился просить за брата к Екатерине II; помолвку с Эльмптом расстроили. Фаворит и Военачальник теперь должны были укрепиться в отношениях из-за родства.

В 1795 году это находит яркое выражение в том неслыханном приеме полководца, который приустроили ему в Петербурге – выделение для проживания Таврического дворца, убранного во вкусе и привычках причудливого старика: занавешенные зеркала, кипы сена под простынями вместо постелей; назначение постоянного стула за столом у императрицы – множество деталей-переключек, с Потемкиным ли, с кем другим... Суворова определенно на что-то призывают, к чему-то подвигают, на что-то обязуют.

Одновременно с этим решается вопрос большой политики; разделив Польшу, Екатерина захлопнулась от Европы-Франции двухстворчатой Австро-Прусской дверью, оставив калиточки на Швецию и на Балканы.

Уже и на первую примеряют замок – идут важные трудные переговоры о браке юного шведского короля Густава IV с дочерью цесаревича Павла, какое значение им придастся говорит факт прямого участия в них Платона Зубова, кроме канцлера Безбородко; особый характер им придает специальный пункт о вероисповедании невесты – вопреки обычной практике перехода в религию страны-потентата Екатерина II, вольтерьянка, более чем покойная в вопросах веры, придает ему особый смысл, оформляя не династический брак, а проводя идею устойчивой постоянной связи двух дворов на вневременной религиозной основе. Глубокое значение имеют эти переговоры и для П. Зубова, и для Екатерины, крушение которых ее убьет.

Вырисовывается контур какой-то громадной внешнеполитической конструкции, в которой Швеция, Пруссия, Австрия должны играть роль внешнего кордона, санитарной зоны или Китайской стены против – одной ли Франции?.. За Швецией более привычно маячит Англия... А вот куда направят избыток сил сливающейся в клочковатом котле нации?

У всех на устах Греческий проект, обучение курносого Константина Павловича толи под Комнинов, толи под Палеологов, но под покровом диверсии на левантийские кущи Франции изготавливается громадная экспедиция в район Среднего Востока, не на Балканы и Элладу – на Восточный Кавказ и Северный Иран – а дальше? Это все станции на пути в Индию, и не затрагивает ли это уже самое Владычицу Морей, под внешне необычным, странным, называемым у Брокгауза – Эфрона «сумасбродным набегом» (эх, забыл посмотреть авторство справки) – в обличении чего они даже передергивают карты, объявляют целью экспедиции... Тибет – хватит врать-то! В подобном случае уж удобнее ходить через Алтай, или даже Нерчинск, нет надобности преодолевать Гиндукуш, Карокорум, Гималаи, и все друг за другом, и не поперек – вдоль! – и странно-традиционный для Евразийской политики. Надразумная тяга бросает на этот призрачный путь:

- руссов в 941 и 943 гг.;
- Ивана Грозного в 1560 гг.;
- Стеньку Разина в 1666–1670 гг.;
- Петра Великого в 1714 гг. (экспедиция Бековича-Черкасско-го) и в 1722 гг. (самолично);
- Г. Потемкина в промежутки 1775–1785 гг. для чего избран недюжинный исполнитель А.В. Суворов, проводивший в 1778–1780 гг. глубокую рекогносцировку всего района от Астрахани до Астрабада и Решта, а и далее...

И только ли? А торжественные приемы путешествующих принцев из Великих Моголов в 1770–1780 гг.? А колонии армянских купцов, раскиданные от Москвы до Майсура и покровительствуемые Россией, а и сверх того заявление императрицей себя покровительницей армян где бы то ни было – а их в ту пору не было только в Армении? А предоставление убежища и подчеркнуто теплый прием принцев-соперников Ага-Магомет-Хана Персидского в 1794 г., например Муртазы-шаха?

Через 6 лет движение в этом направлении уже без утайки конечных целей предпримет Павел I вкупе с Наполеоном Бонапартом, полагавшим путь на Индию через Иран наиболее удобным.

Как тут не погрузиться в мечтания в приятном возбуждении – а что, если... Давайте остановимся, ограничившись констатацией – через полторы тысячи лет тянется это стремление Великой Евразийской Равнины к Индии, что за ним – не знаю: это мистика, томление... но нечто великое, сверх накопительских оценок; как и сверх кровавой похлебки чингизидовщины – влететь с веревками, выехать с караванами...

Кажется, полагается нечто подобное заявлению А. Ермолова Александру I в Париже в 1813 году:

– А сейчас через левое плечо из Европы – Марш! Но только до всякого захождения в Европу.

И уже разворачивается напряженная активность на Тихом океане у берегов Америки и Китая; и в поддержку скромненько-упорненьким Шелеховым уже определены фрегаты эскадры Муловского; капитан-лейтенант Крузенштерн и лейтенант Грейг вольным образом плывут в Китай на английских судах; тянутся связи с «графом» Мирандой, испано-американским мятежником, принятым в русскую службу генерал-поручиком и получившим для проживания дворец в московском Царицыно и не прерываются даже в революционном Париже вплоть до выплаты генеральского жалования послом Симолиным ГЕНЕРАЛУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ... Как-то напряженно колеблется стрелка политического компаса и так она будет колебаться до 1801 года, пока не уткнется или остановится на Европе...

У Екатерины II в Записках есть откровенное признание, что она очень старательна, умна, но не талантлива, более наблюдательна, чем проникновенна, у ней отсутствует импульсное озарение, а более умение его развернуть в полную картину – кажется так достаточно точно можно сформулировать сумму ее самооценок. Сегюр также отмечал ее не артистический, а систематический разум, неспособность к художественному акту и предрасположенность к анализирующей работе; ей не давались рифмы... – но вот свидетельство О. Михайлова о «собственных стихах» и песенных текстах?! – но ее рассуждения об истории и политике всегда интересны... В повседневной практике это рождало у нее потребность иметь в ближайшем окружении талантливого человека с искрой оригинально-неповторимого провидения, от которого она загоралась.

В то же время это утверждение требует и очень серьезного разъяснения и уточнения, насколько это возможно в тайне психики, тем более женской и великой. У Екатерины не было особой заботы обращаться почасту к собственному творчеству потому что ее личность оказалась необыкновенно камертонной к чувствам эпохи и характерам людей; многократно отмечаемое разными авторами стремление императрицы-женщины «нравиться всем» заставляло ее «подсматривать» и «подслушивать» под все, то, что В. Ключевский дубовато определил только «заботой о впечатлении» – Екатерина, включенная «в слух» от самого мира узнавала много быстрее, что ей надо делать, чем постигла бы преимущественно самоуглубленным размышлением. Я бы полагал, что она не столько шла в подчинении или на поводу у талантливых натур, сколько предоставляла им самореализоваться в границах применимости своеобразия дарования к историческому запросу.

Так, не видя ничего лучше системы Н. Панина, она терпит его до 1781 года и успешно претворяет возможности поддерживаемого им Северного Альянса для обеспечения Экспедиции в Архипелаг – Английский флот прикрывает русские эскадры от атак Французского! – и использует его как элемент антифранцузского соперничества в рамках уже сменяемых приоритетов.

Выделив Юго-западное направление в качестве ведущего, отходит от «северной зашоренности» и поворачивает к Русско-Австрийскому сближению, обращая его острие против Турции и как рычаг против Франции, что предельно возвышает Г. Потемкина, автора и проводника многих элементов этой идеи.

К 1790 году последняя утрачивает актуальность в новых условиях, когда надо с одной стороны ограждать от Вулкана-Франции, с другой появляется возможность завязать на ней всех противников по иным вопросам, получив свободу рук на юге, востоке, океанах, в обоих Индиях, когда европейское стадо, попавшее под бичи, вынуждено будет вертеться вокруг западной львицы, оставив зады – заднескамеечнику.

Императрица искренне ненавидит якобинцев, как казанская помещица – «пугачей», но реальный национальный политик, понимает, что они, сцепившись с завистливым европейским скопом, открывают перед ней и новые горизонты; пока между Россией и Францией неразбитые Австрия и Пруссия – «французское помрачение» в пользу, как и Война за Испанское наследство к руке Петра, надо только незамедлительно использовать его лучшие сроки для себя – при Петре ухватили Прибалтику, сейчас —...Екатерина грозит войной, обещает и собирает армии, Суворов оглашает какие-то замыслы – я не думаю, что это более, чем вталкивание Австрии и Пруссии в бодания на Рейне, а Британии в акульки метания от Булони до Тулона – это признано в серьезных академических курсах, как удостоверенная истина. Само имя Суворова настолько оглушительно, что им лучше маскироваться и грозить, нежели использовать в заветном деле, на которое в этом случае сразу обратится десятикратно увеличенная ярость сопротивления; любое действие, его присутствием означенное, приобретает особо выпуклый характер; за его перемещениями следят, его «*bon mot's*» подбирают – он флюгер, означающий бурю; тем неожиданнее смерч, разразившийся в другом месте.

Но кто был автором этой политической линии, тот, допущенный Екатериной к перу руля политики империи. Вряд ли этот поворот плод творчества Г. Потемкина – и несомненно, что он идет в сторону от его системы.

К 1791 году Россия достигла крайнего предела в своем движении на Балканы, линию Прут-Дунай она будет переходить еще четыре раза, но так и не оторвется от нее; это неочевидно, не знают, но Русско-турецкая война 1787–1791 гг. последняя, в которой Австрия и Россия воевали вместе на Балканах, полный разлад машины русско-австрийского союза в 1790 году уже был очевиден, как и истощенность положенной в ее основу потемкинской идеи, что заранее делает сомнительным Греческий Проект, т. е. устремление Потемкина к проливам.

И уже начинается разрушение поддерживающих ее конструкций – 2-й, и особенно 3-й раздел Польши это отход от неопределенно-активной к определенно-пассивной линии на Западе, это жертва динамическим буфером ради охранительно-статической определенности, в данном случае полезная и эфемерная – история непреложно свидетельствует, Польша союзник любого врага России, не покушающегося на минимум признаков ее наличия в географической карте, и поступив в данном случае вопреки Потемкину, Екатерина обнаружила свое превосходство над ним, как Великая старуха Изергиль, разглядевшая в избиениях безоружных русских воинов в Варшавских церквях в 1793 году и паскудство польских жолнежей в московских храмах в 1812 году, и антагонизм народца-мозгляка к величию соседа, неукротимый от времен Болеслава Храброго – точнее, Кровожадного – поднесь.

Признавалась ли тем самым истощенность объективных факторов евразийского вхождения в Европу, ведь отныне и в исторической зримости и юридической новеллистике запад-

ная граница России повиснет на линии Неман – Буг – Прут? – Черноморский Юг поплыл куда-то в сторону...

Что же показывают события после 1791 года, года смерти Светлейшего – Платон Зубов, новое первое лицо империи, принимает те же посты и территории, что и Потемкин; Русская Армия, теперь уже под опытной рукой А. В. Суворова сосредотачивается там же – в юго-западном углу... и как-то в стороне вдруг начинается Персидский поход В. Зубова.

Как-то необычно, импульсивно, вразбег с устоявшейся картиной внешней политики 2 половины 18 века выглядит этот поход – впрочем, как и Дербентский поход 1722 года, они блеснули как заявки на нечто – и погасли, точнее, одна истлела, вторая сползла в углы – Россия в 18 веке скорее втягивалась, чем вступала на Кавказ, скорее остерегалась, чем тянулась, и вдруг энергическое волевое действие, мощный рывок, не в означение местного канюченья – через него, и на что – не ясно... Вокруг него и сами по себе возникают какие-то колеблемые круги.

Поход был «неявный»: район дальний; климат вредный, сулящий громадное вымирание войск; неясность ситуации Востока – полагавший особых качеств от руководителя, «волчья пасть и лисий хвост», кроме того истребовавший и почти неограниченной самостоятельности первых лиц, и выдающихся качеств принимать военно-политические решения на месте и с ходу; в этом смысле поход был новаторским, т. к. оформлял новое поле силовой политики; он был сопоставим с деятельностью Потемкина в пустынях Новороссии, и грядущим «проконсульством» А. Ермолова на Кавказе, но и отличен от первого реализацией в центрах древней Средне-Азиатской цивилизации, а от второго своей усиленной военной данностью и объектом приложения – не христианизированные районы Западного и Центрального Закавказья, а исламизированный Прикаспий вплоть до южной, иранской стороны. Поход «внешне» выглядел как-то легковесно, вот и командующий, одноногий мальчишка, самый юный в империи генерал-поручик от «юбок», не то, что поднявшиеся охмуревшие волки-быки Кутузов, Гудович, Дерфельден – и так же тяжело при взгляде «изнутри»: громадные силы, назначение лица, могущего действовать всем авторитетом Императрицы и Фаворита, сама фамилия – Зубов, исключаяющая и тень допустимости неудачи.

Во временной или органической близости этого похода складывается особо тесное сотрудничество Екатерины и Валериана; отбросив сплетни, которые любой столб в ее окрестностях обращали в пенис, можно утверждать, что она впервые им серьезно заинтересовалась, увлеклась как учеником с каким-то элементом материнского чувства; чем-то подобным, точнее пожеланием такого рода отдают ее отношения с Г. Потемкиным, но тот был слишком громаден, своеволен, слоноovit, она была слишком слабая учительница, слишком «сердечная» к нему – сейчас она нашла своего ученика... но «учителя» любят «успевающих учеников» – в оценках недюжинного взгляда Великой значит Валериан «успевал»?

Политический характер их сотрудничества подтверждается тем, что осенью 1795 года В. Зубов убывает в «Южную Сибирь» – Астрахань, районы смертельной азиатской холеры и малярий, более верно губивших, чем все Измаилы и Рымники вместе взятые; ведь только недавно, в 1791 году болотная лихорадка завалила Орлину-Потемкина. Утверждения о «ссылочном характере» этого командирования, намек на соперничество с Платоном, содержащийся у Валишевского – на безрыбье приходится полемизировать и со сволочью, хорошо хоть не с Резуном – совершенно несостоятельны, по своей инвалидности В. Зубов был совершенно недоступен прямой команде через свое желание, кроме как возьмут под караул – франко-польский враль для удобства версии начисто об этом обстоятельстве умалчивает.

Значит, только в желании Исполнителя и доверии Государыни могло состояться это назначение: 60 тысяч войска, ресурсы и администрация 5 губерний, 3-х казачеств, ФЛОТ, 1 миллион рублей серебром, положенный в казначейство на самоличное усмотрение... – и 24-летний мальчик – генерал, поскрипывая протезом, поднимается на палубу ожидавшей его в

Нижнем галеры; НО В ГЛУБОКОЙ ТАЙНЕ – через всю Россию с весны 1796 года медленно ползет по губерниям Московской, Тульской и проч поезд из полутора сотен карет «с командующим и казной» на которой заворожено всеобщее внимание (напр. А. Болотова), в том числе и недобрых глаз; по скорости перемещения которого судят и о сроке развязки: СОСЧИТАЛИ – В АВГУСТЕ... – и тем внезапнее вхождение русских войск в Дагестан в конце марта 1796 г.!

Поход был замечательно подготовлен, В. Зубов учел все уроки войны 1722–1724 гг., несомненно привлек обширные материалы «тайного дела» А. В. Суворова 70—80-х годов, но в его замысле присутствуют и черты новой оригинальности, внесенные самим командующим или навеянные чуть ли не традициями великого мятежника Стеньки Разина, «поход за зипунами» которого, последнее самобытное внешнеполитическое действие «низовой России», все еще лежит вне усмотрений специальных военно-исторических и военно-политических исследований из-за концептуальной «невнятности» этого события, как и Ермаков поход в Сибирь, вследствие общей «феодальной зарешеченности» представлений о русской государственности. Это была комбинированная сухопутно-морская операция, но в отличие даже от Петра Великого ее морской аспект был резко усилен, флот перестал быть простым сопровождающим армии, взаимодействующим пушками с пехотно-кавалерийской саранчей; верблюдом, перевозящим продовольствие и огнестрельные припасы.

Тяжелые войска и подавляющей мощи артиллерия, в том числе избыточная осадная, до 48-фунтовых бреш-пушек и 5-пудовых мортир, сведенные в один 24-тысячный корпус, обрушивают тяжкие удары по радиусам от Астрахани с моря на узловые пункты побережья, взламывая всю систему обороны противника от Дербента до Астрабада; хотя Персия может выставить до 180 тыс. войска, пусть и дрянного качества, непредсказуемость русских ударов по 2000-километровой береговой линии, как и 10-кратное превосходство скорости морского транспорта приводят к тому, что ВПЕРВЫЕ – а также и в последний раз – в каждом эпизоде боевого столкновения русская сторона имела не только превосходящую организацию и вооружение, но и 30–50 % численное превосходство и подавляющую огневую мощь, молниеносно крушивших противника. Легкие войска входили в районы с уже потрясенной и сломленной системой обороны, иррегулярная конница, особенно калмыки, сеяла панический ужас в разбегающихся шахских войсках и деморализованном населении призраком Чингизидова нашествия.

Гарнизоны, и только крупные, ставились в немногих важнейших пунктах-лагерях по приему ссаживаемых и погружаемых войск, без внедрения их вглубь территории и населения; все другие укрепления, кроме простейших, сносились; местные владельцы обязывались присягой на неучастие в боях, исполнением полицейских функций, содействием в прохождении войск, снабжением их продовольствием в половину шахского налогообложения – да и то не выбиралось, войска широко доплачивали, пренебрегая обычными «бесплатными» рационами, за роскошную восточную снедь, деньги были, во взятых внезапными ударами с моря городах добыча оказалась баснословная; местная администрация и войска, обычный строй которых сохранялся, только приводился в неопасное состояние – изымались крупные пушки и рубились полевые лафеты к прочим, – склонны были в том соучаствовать.

Кроме боев за Дербент, который необходимо было взять в первую очередь, чтобы открыть 30–40 тысячной коннице путь в Закавказье, остальные операции армии и флота отличались и взаимодействием и свободой, сопровождавшие вдоль побережья легкие прамы и бригады в любой момент могли выбросить на сушу пехотные роты с пушками, а по нужде накликать фрегатный гром с полками и самой тяжелой артиллерией – впрочем, этого совершенно не потребовалось, серия автономных ударов «медвежьей лапой» флота по узловым пунктам побережья так потрясли военную организацию противника, что она надломилась и утратилась как целое уже к июлю 1796 г., взятие Баку, Решта, Ленкорани, Астрабада фактически означало решение ВСЕХ целей кампании за 3–4 месяца.

Потери были минимальные, т. к. войска за исключением периодов краткого нахождения в бою сразу отводились за пределы зоны боевого соприкосновения и санитарно-эпидемиологической опасности на корабли; гребенские, волжские, кубанские казаки и калмыки более глубоко проникавшие в территории к условиям Кавказа оказались привычны. Война, в которой кавалерии приурочено было не «завоевывать», а «захватывать» им чрезвычайно понравилась...

Достойна внимания забота об облегчении прохождения войск – егеря, единственная пехоты, следовавшая берегом в колоннах за веером легкоконных частей, получили деньги на покупку 3-х покойных старых коней на капральство, к которым назначали одного коновода, и все вещи, амуниционные, хозяйственные, сверх самонужного везли на них, в удобном для быстрого изъятия виде; капрал ехал верхом в перемену через час с ослабевшим солдатом... Приятной неожиданностью похода оказалось изобилие вина в «непьюще-мусульманском» Азербайджане и введенное правило – на переходах из источников воды не пить, а пить – если нужда, – виноградное молодое вино, кому попуталось с водкой – палок, шинкарей, продающих водку солдатам – вешать!...

...Плохо было только одно – кажется, тяготы похода для Валериана Зубова оказались непосильны, с начала кампании он по-являлся перед войсками только во время боев за Дербент, потом видели единственно красивый, праздничный, из красноватых шелков шатер на палубе флагманского корабля, с которого доносилась музыка... Войска тоже шли весело, никто, можно думать, на это внимания не обращал, разве, что в паре попавших мне на глаза записок участников похода промелькнула одна и та же деталь, оба автора были приняты В. Зубовым в его шатре ЛЕЖАЩИМ, встреча и обращение были самые отменные, фрукты, вино, кофей с вареньем – никто не обижен, пояснение об у вечности командующего отсутствует, кажется они об этом НЕ ЗНАЮТ.

К середине июля становилось очевидным, что операция завершена досрочно и ее надо либо разворачивать дальше, ради того, зачем она, собственно, начиналась, или остановиться, ограничившись достигнутым – войска восходили к Эльбурсу на юге, угрожая Казвину, проникли до Шемахи и Ардебилля на западе, нависая над Тавризом и всем Восточным Закавказьем...

Денег на развитие не было – точнее, они были и в немалых количествах как невостремованный остаток от издержек операции, но дальнейшая, чисто сухопутная, толи караванная – если полагали Юг, толи горная – если Закавказье, операция требовала увеличить пехоту едва ли не в 2 раза даже для поддержания только наличной коммуникации, а расходы на экспедицию едва ли не в 4 раза – Успешное мероприятие замыкало как Громадное. Вряд ли этого не понимали с самого начала, и Екатерина, с 35-летним опытом правления, и Платон Зубов, 4 года тянувший потемкинскую лямку Юга, но увеличение средств на экспедицию полагалось едва ли не со следующего, 1797 года, и никак не ранее завершения сбора налогов за текущий год, начинающих поступать только с осени... Войска получили хитроумный приказ, который в армии расшифровывают «галопировать на месте» – терять темп, инициативу, не нанося, а подставляясь под удары; последних, впрочем, не последовало, компактное расположение русских войск делало такие попытки практически обреченными; но с августа резко выросла заболеваемость в войсках, проклятие азиатских войск – небоевые потери...

Имелись ли у русского командующего какие-либо планы увенчать достигнутый военный успех убедительным территориальным приобретением – глубокий выход русских на коммуникации в Иранском Азербайджане создавал условия провести эффектное завершение операции обходным движением на все иранские владения в Закавказье, которые утрачивались с занятием русскими Тавриза и выходом в дружественные армянские территории – наличные ресурсы это вроде бы позволяли? Но... никаких свидетельств; далекое продвижение русских войск по иранскому побережью на восток от Решта также говорит об иной цели экспедиции

– просматриваются скорее Юг, Юго-Восток. Занятие Азербайджана с Нахичеванью и Эриванью было относительно просто, но сразу закрывало перспективы дальнейшего развития, войска втягивались в Азербайджан как вода в губку – кажется, от этого предохранялись.

Впрочем, это не означало отказа от Азербайджана, пока русские в Реште, любые вводимые в Закавказье персидские силы находятся под угрозой катастрофического захождения от Решта на Зинджан или к Северо-Западу, в обход всего района, поэтому единственный способ боевых действий шахских армий – наступление на Решт, под сокрушительный огонь артиллерии и тяжелые ударные компоненты русской военной организации при полной невозможности угрожать их морским коммуникационным линиям: да, тут можно было и не торопиться – а и лучше придержаться, пока несмазанная военная машина противника соберется, и не погибнет разом; не уйдет и не возбудит коренные персидские территории – уничтожить ее здесь, чтобы дальше идти свободно, без угрозы «джихада» и превращения плохих солдат шаха в хороших фанатичных партизан. Но ничего...

В сумерки этого затишья в ноябре 1796 года спешно прибывший фельдкурьер вручил генерал-поручику, кавалеру Ордена Святого Георгия II класса графу В. А. Зубову приказ нового императора Павла I, сдав войска на прибывающего графа Гудовича, немедленно отправиться в свои пошехонские деревни, ехать в сопровождении фельдкурьера, нигде не задерживаясь более суток...

Платон так и не смог возобладать над поразившим его отчаянием и равнодушием к судьбе по смерти императрицы, и не огласил составленного летом 1796 г. завещания Екатерины II, в котором она объявляла Павла Петровича душевнобольным, передавала престол внуку Александру Павловичу, а до его совершеннолетия назначала регентский совет из 10 персон, в том числе П. Зубов, А. Безбородко, А. В. Суворов, А. Г. Орлов Чесменский, Н. И. Салтыков, П. А. Румянцев... – толи они подписались под ним, как свидетели (В. Лопатин), в чем я сомневаюсь: не те там были люди чтобы промолчать, если «свидетели»: Суворов, Румянцев, Орлов-Чесменский! Многократно описанная разными лицами реакция Суворова и Румянцева на воцарение Павла также говорит об их полном неведении замыслов Екатерины. Впрочем, точно мы уже не узнаем, по утверждениям очевидцев – они ведь всегда есть, даже в камере-одиночке, даже в черепной коробке – Павел завещание сжег собственноручно... Сама Екатерина тянула с этой тяжелой комиссией в ожидании успешного завершения матримониального дела с шведским королевским домом, все-таки невеста получалась как-бы дочерью сумасшедшего – это еще раз говорит, насколько высоко поднимались ставки в «шведском деле», насколько оно входило в канву чего-то еще более важного; апоплексический удар поразил Екатерину II на следующий день по известию о полном провале помолвки... Что за ней стояло, остается только гадать, сама по себе Швеция стояла немного, не более 40 тысяч войска, если во главе его П. Багратион, М. Каменский, или М. Барклай-де-Толли – налицо же А. Суворов, М. Кутузов, Н. Репнин.

Передача престола обошлась без крови, Зубовы потеряли посты, но сохранили состояния, Платону после некоторой проволочки велено было жить неотлучно в литовских своих поместьях – через 5 лет Платон и Николай, принесший великому князю известие о воцарении, воспрянут духом и расцветают с императором, вступив в ряды его убийц. Валериана это коснулось странно: вызванный в 1800 году в Петербург и назначенный директором 2 кадетского корпуса, по утверждениям Палена стараниями заговорщиков, он постоянно упоминается в мемуарах как участник их дела, в которое активнейшим образом вовлеклись два его брата и сестра (О. Жеребцова), но не присутствует ни на одном публичном мероприятии конфиден- тов... Многократно описанная колонна Бенигсена, в которой он будто бы вступил в Михайловский замок, его потеряла – в императорской спальне среди убийц его не было; похоже, что за него выдавали значительно менее популярных Платона или Николая... Как впоследствии так же старательно топили его в тени «тех Зубовых», чем-то задели они подрастающее прищавое

российское охвостье, чем-то навсегда не понравились... Последние годы он одиноко доживал в Москве и своих имениях, быстро и заметно гас и умер в 1804 году, упав и рассыпавшись почти бесследно – что ему было Полное Генеральство и Состояние в Непременном (впоследствии Государственном) Совете, пережившему неизбывное крушение ноября 1796 года... Брат Платон мучился неприкаянностью Российского Администратора, обращенного в Вотчинного – он же, пошатнувший скрижали всемирно-исторического движением Флотов и Армий, в чем бы удовлетворился: организацией поместной полиции и загонных охот?

...Начавшиеся в 1800 году Кавказские войны для выхода хотя бы в приближение тех рубежей, которых достиг за одну летнюю кампанию 1796 года. В. Зубов, потребовали, при сугубо сухопутном через христианские районы Центрального Закавказья серпообразном, вскрывающем столетиями отстраиваемые рубежи захождении 30 лет тяжелейшей борьбы 100-тысячного Кавказского корпуса, при том, что из 10 солдат в боях участвовал едва ли один – остальные «держали линию». Во всех сражениях противник превосходил русскую сторону в 2–3 раза по численности, за каждым успешным рывком следовали длительные периоды «освоения» территорий, недружественное население которых восставало из-за простого нарушения его образа жизни, а дружественное исполнялось кичливой мысли, что русские – пожарная команда вызываемая под местные дразги, переходя и в русское сознание, что они здесь не в осуществление воли Евразийского Храмосозидания, а в «исполнение обязанности кого-то спасать».

Замечательные уроки С. Разина, П. Романова, В. Зубова, когда реальное сопротивление мусульманского побережья быстро сокрушалось подавляющей мощью превосходящей военной организации, опирающейся на недоступные противнику морские коммуникации, а последующий выход русских армий в христианские районы Центрального Закавказья, изолируя недружественные мусульманские районы между армией и флотом, обеспечивал устойчивость их контроля; сама же армия обретала в дружеской среде «второе дыхание» для чисто сухопутной войны в глубине материка – утратились.

Через 4 года значимость этого движения поймет и Павел I, на крутом повороте своей судьбы осознав особый, антианглийский характер Средне-Азиатского направления евразийской политики и начнет его бурно разворачивать; но в пику предшественникам, Прадеду и Фавориту, не через широко открытые Каспийские ворота – через законопаченную пустыню, не по ласкающей водной глади – по мертвому песку. Туда же затопают и его преемники, от Александра I до Александра III. Только М. Скобелев еще раз, в ограниченном самими условиями применения варианте использует морскую стихию в Ахал-Текинской экспедиции, опираясь на талантливого сотрудника, капитана I ранга С. Макарова... да еще Красные в 1920 году, взломав всю систему англomусульманской обороны ударами с моря по узловым пунктам периметра побережья – И Стеньки, и Петры...

Иды марта: Утаенная смерть императора Павла Петровича

Занимаясь Валерианом Zubовым и по необходимости полноты его биографии всем этим стремительно взлетевшим и так же невесомо рассыпавшимся семейством; обнаруживая и предвзятость, и умолчания, и домыслы и нагромождения всякого рода, и оттого уже настороженный; я не мог пройти мимо крупнейшего события их общесемейной истории – родового участия в уничтожении императора Павла I; события самого по себе крайне выразительного, порусски зверского., с массой оттенков: чуть ли не последний «переворот», едва ли не «первая революция»; кажется, первое несомненно политическое, не любострастное, движение русского дворянства, где царедворцев начинают теснить «мечтатели», но еще крепкой, цепкой, когтистой лапы Орловых – Ермоловы, Тутолмины, Яшвили, в каждом пальце которых больше энергии, чем во всей «северной управе» Рылеевых – Муравьевых.

Настораживает уже странное распределение воздаяний по содеянному: «убийцы» Беннигсен, Скарятин, Талызин – «злодеи» Zubовы, Пален...; все так прописано – у А. Пескова в ЖЗЛ¹ с точностью до четверти часа на протяжении двух суток перед убийством, а события ночи во внутренних покоях Михайловского замка и с точностью до минут – и... странные обломы и зияния.

В заговоре «согласно» участвуют все три «великих» Zubова: великий любовник, великий воин, великий пьяница (Платон, Валериан, Николай), но постоянно упоминая Валериана, никто не видит его достоверно присутствующим в собраниях лиц, его скорее «слышно».

Странно, что эти лица, первенствующие на закате предыдущего царствования, едва ли не по милости которых состоялось само восхождение на престол Павла I – ведь манифест об объявлении его сумасшедшим вроде был подписан, хранился у Безбородко – но не канцлер, а оберштабсмейстер (и он же и зять армейского идола, командующего крупнейшей армией, фельдмаршала А. В. Суворова) Николай Zubов извещает цесаревича об ударе, случившемся с Екатериной и открывая процесс легитимизации нового императора; и те награждения Zubовых, что сделаны Павлом по началу царствования прямо свидетельствуют, что шаткость своего положения он осознавал. Только опала Суворова, уже неопалимого в историческом сознании знаменует начало необратимого разрыва – но это уже последние считанные месяцы, крушения Zubовых еще не состоялось; даже упавшая комета тянет за собой длинный блестящий шлейф: Zubовы еще не сошли с языков, были несметно богаты; Платон – делен, Валериан – славен, Николай, прошедший весь Итальянский и Швейцарский поход с Великим Тестем и Великим князем – известен, и отчасти популярен по некрасивой, с привкусом животности, но несомненной храбрости. И вдруг полное подчинение немчишке Палену, прохвосту, про которого согласно утверждают, что оступись заговорщики с Павлом, он бы не оступился их всех переарестовать; и передача всей практической части Беннигсену, боевому кавалерийскому генералу, но... завербованному в состав заговора за пару дней до того, в приватном разговоре посередине улицы сослуживцем Паленом и ввечеру, уже за шампанским, князем Платоном... Вербовка изумительно простая и вызвавшая от вербуемого лишь один вопрос:

– Кто стоит во главе всего дела?

Ответ нерасслышим, а Беннигсен с этого момента становится неутомим, что возможно и естественно для военного человека: и возведен в вице-убийцы и заместителем Палена, что как-то странно, и преждевременно, и непочтенно для Zubовых, если все же Пален и есть глава дела – и понятно, и естественно, если Пален только важный винтик, непосредственная боевая часть оружия, пронзающая тело, не более; и уже сам, по узкопрактической мерке подбирающий себе сотрудников, твердых и старательных.

¹ А. Песков. Павел I.

Право, даже фанфаронада Орловых обставлена большими конспирациями и предосторожностью; даже эти гвардейские мальчишки внимательнее приглядывались, ощупывали, вызнавали своих конфиденентов; более страшились за свои унтер-, и штаб-офицерские жизни, нежели тут, графы и полные генералы, вельможи и сановники, вышедшие и давно вышедшие из дней залетных и бедности безысходной. Что было терять Григорию Орлову, кроме буйной головы, которая все равно слетит как только станет известна его головокружительная связь с самоё императрицей – политическое развитие Елизаветинского «романа с гвардией» слишком памятно, чтобы его терпеть... – и вдруг генерал-фельдцейхмейстер, генерал-поручик и обер-шталмейстер в княжеском и графских титулах идут в подручные к простой «службе» Палену – ну уж, было бы за что... подручникам первого куска не дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.